

Глава 95. Убить

На миг Янь Цунси показалось, будто солнечный свет стал невыносимо ярким: таким ярким, что он уже не мог разглядеть выражение лица человека перед собой.

В начале лета креповый мирт цвёл особенно пышно: целые гроздья облепили ветви, украшая простые оконные рамы. Подхваченный ветром лепесток упал прямо ему на залитый кровью подбородок.

— С-святой... святой...

— Почему у святого глаза красные?!

— Они же с главой Янем были так близки... как... как такое вообще могло случиться...

— Что толку болтать! Как ни крути, сначала надо вытащить главу Яня!

— ...Ну так иди. Даже если мы все вместе бросимся на него, что мы противопоставим святому?

— ...

Вокруг вдруг стало очень тихо.

Весь этот гомон исчез, и в тот миг Янь Цунси слышал лишь звук воды.

Кровь бурно хлестала из его груди, стекала по клинку, впитывалась в одежду, насквозь пропитывала полы и уже капала с них вниз.

Кап. Кап.

Всё быстрее.

Лицо Е Чжэнвэня, стоявшего в толпе, стало белым, как бумага.

— Дядя... дядя Цзян... как он... как он мог...

Этим утром он переживал, что Шэн Исюэ будет тревожиться из-за запечатанной области Цянькунь, и потому специально встал пораньше, чтобы сходить навестить её в гостинице. Он всего лишь позавтракал вместе с друзьями, а потом, услышав, что появился великий демон и начал убивать, тайком выглянул посмотреть, что творится снаружи. Почему же в следующую

секунду тем, кого Цзян Чаньюань пронзил насквозь, оказался его родной дядя?

Перед глазами у худощавого юноши вспыхнул белый свет, и он рванулся вперёд — спасти Янь Цунси.

Ветер свистел у него перед лбом, глаза жгло и ломило так, что он почти ничего не видел. Спотыкаясь, он сшибал столы и стулья, расталкивал безучастных зрителей. Пусть он был всего лишь младшим мастером Дао и ещё даже не достиг высшей ступени, он всё равно нёсся вперёд без колебаний — пошатываясь, но упрямо и решительно.

— Брат Е, Е Чжэнвэнь... Е Цюн! — чья-то рука резко дёрнула Е Чжэнвэня назад, а в следующую секунду другая легла ему на плечо и силой утащила обратно.

Сун Цзиньяо вцепился ему в плечи:

— Ты с ума сошёл?! Даже если добежишь, что с того? У святого такая убийственная аура, что тебя разорвёт в клочья, стоит только приблизиться!

Е Чжэнвэнь в ответ с размаху вlepил ему кулаком в лицо:

— Отпусти!

Удар отшвырнул голову Сун Цзиньяо в сторону.

Но пальцы, стиснувшие плечо Е Чжэнвэня, даже не дрогнули.

На губе выступила кровь. Сун Цзиньяо слизнул её с уголка рта, снова повернулся и уже обеими руками схватил Е Чжэнвэня за плечи:

— Ты ведь ладишь с Хуай Шоусинем? В области Цянькунь сейчас всего трое святых. Только он один может спасти твоего дядю!

Глаза Е Чжэнвэня покраснели, всё его тело дрожало. Лишь услышав эти слова, он ухватился за крошечную надежду. Тут же отправил духовную весть, ошибся в руне, снова переписал, потом третью подряд. С кончиков его пальцев беспрерывно взлетали фиолетовые духовные птицы и неслись к обители Десяти Сторон, а он, будто не видел, что весть уже ушла, снова и снова выводил новые знаки.

А под конец разрыдался в голос.

Руки Сун Цзиньяо, прежде мёртвой хваткой державшие его за плечи, понемногу ослабли.

Потом одна ладонь мягче легла на плечо, а затем он неловко похлопал его по спине.

Фиолетовые духовные птицы кружили по небу, летели сквозь шумную толпу к обители Десяти Сторон и, пролетая над ними, проплывали перед гаснущим взглядом Янь Цунси.

Знакомая фигура перед глазами Янь Цунси становилась всё более чужой и слегка покачивалась из стороны в сторону — а может, это уже его самого шатало так сильно, что он почти не держался на ногах. Он хотел протянуть руку к человеку перед собой, но сумел лишь обхватить ладонью холодный клинок.

— Кх... — он кашлянул, и в рот хлынула горячая кровь. Но, будто совсем не чувствуя боли, он лишь сильнее сжал рукой меч, вонзившийся в плоть. — Чаньюань... почему...

Упавший ему на подбородок цветок крепового мирта насквозь пропитался алой кровью. Тягучие капли стекали с лепестков, заливая подбородок и шею, а зелёная одежда почернела от крови.

Под бледно-золотым солнцем в налитых кровью глазах Цзян Чаньюаня будто на миг мелькнула ясность — но в следующую секунду вскипевшие в теле иньские души снова выжгли её дотла.

Он с яростным рывком выдернул меч и приподнял бровь:

— Почему?

И тут же взмахнул мечом, словно размытой тенью целя прямо в шею Янь Цунси. В алых глазах полыхали безумие и лихорадочное возбуждение, а в голосе звенели яд, ненависть и ярость:

— Если бы не ты... это тело давно уже было бы моим!

Когда-то, во время уничтожения сердечного демона, из-за того, что демон внутри Цзян Чаньюаня стал слишком силён, ему пришлось просить помощи у самого выдающегося наследника семьи Фу из Гуанлина — у Фу Юэбая, чьё имя в пределах Люхэ ставили рядом с его собственным. Изначальное духовное пламя рода Фу и правда могло подавлять сердечного демона. Но кто бы мог подумать, что так называемый сердечный демон для него был скорее отдельной душой, делившей с ним одно тело? Они были почти одинаковы — различались лишь тем, к чему было привязано их сердце.

Он не был сердечным демоном. Сердечным демоном был сам Цзян Чаньюань.

Светлый, безупречный бессмертный владыка, а втайне — человек, сохранивший к своему ближайшему другу постыдное желание. Это желание всё росло, его невозможно было ни отсечь, ни отпустить, и в конце концов он сам загнал истинного хозяина этого тела в положение сердечного демона, а потом с помощью духовного огня Фу Юэбая навеки задавил

его в самом тесном углу сознания.

За что? Тогда ведь было обещано: стоит найти подходящее тело, и его тут же отделят. Но за все эти годы Цзян Чаньюань и не думал воспринимать это всерьёз — словно, пока он удерживает за собой личину даосского святого, он сможет тысячу, десять тысяч лет и дальше притворяться, вечно оставаясь рядом с этим человеком и вечно лелея свои низменные мысли...

Старое желание убить, прежде задавленное, под жаром пылающих иньских душ раздулось до предела. Он хотел только одного: чтобы Янь Цунси умер. Умер от его собственной руки. Чтобы тот, другой, собственными глазами увидел эту смерть.

Дзинь!

Раздался резкий звон: неизвестно откуда вылетела пылающая стрела и тяжело ударила по окровавленному мечу в руке Цзян Чаньюаня.

И миг, и угол были выбраны безупречно. От этого удара у Цзян Чаньюаня онемела ладонь, и меч сам собой отступил на полцуня назад.

Кто-то с невероятной скоростью мчался сюда.

— Это Хуай Шоусинь!

— Хуай Шоусинь пришёл! Теперь мы спасены!

Хуай Шоусинь спешил на помощь и потому даже не удостоил взглядом заклинателей, что жались поодаль, дрожа за свои жизни. Он с ходу оттолкнул державшегося рядом Хуай Чэнъяня в сторону главы рода Гу, а сам собрал духовную силу и обратил её в огненную стрелу, направив прямо в Цзян Чаньюаня.

— Дедушка! — по инерции Хуай Чэнъянь отлетел на несколько шагов назад и остановился только тогда, когда глава рода Гу выставил руку ему в спину.

Хуай Чэнъянь почти ничего не понимал. Ещё минуту назад он под надзором Хуай Шоусиня занимался, когда тот вдруг получил какую-то духовную весть, схватил его и помчался сюда. Но увиденное потрясло его до глубины души.

Пылающая духовная сила свистнула в сторону Цзян Чаньюаня.

Хуай Шоусинь целился ему в тело, но на этот раз ему уже не так повезло, как прежде. Тело Цзян Чаньюаня внезапно стало фантомом, и стрела пролетела мимо.

— Небесный огонь, явись! — Хуай Шоусинь молниеносно сложил печати, и в следующую секунду с неба хлынуло пламя, обошло едва живого Янь Цунси и обожгло белоснежный край одежды Цзян Чаньюаня.

Оба были святыми пути огня, но по силе Хуай Шоусинь далеко уступал Цзян Чаньюаню — а уж тем более нынешнему, обезумевшему.

Все его смертоносные приёмы Цзян Чаньюань принял, а потом без остатка отбросил назад, да ещё и заставил огонь разгореться сильнее — так, что, казалось, он вот-вот испепелит само небо.

Хуай Шоусинь, прикрывшись духовной силой, ещё мог выдержать. Но Янь Цунси — нет. Пришлось шагнуть прямо в огонь, схватить его за руку и вытащить, пока за спиной одно за другим взрывались языки пламени.

Могучая волна духовной силы, смешанная с огнём, хлынула следом. Хуай Шоусинь закрыл Янь Цунси собой, а сам получил удар в грудь: внутренности у него содрогнулись, и он с силой выплюнул полный рот крови.

— Янь Цунси! Янь Цунси! — сплюнув кровь, он подхватил его, и всюду под руками было одно липкое красное месиво. Цзян Чаньюань не сдерживался — в груди Янь Цунси уже зияла кровавая дыра, и кровь лилась оттуда, как из прорванной плотины.

Хуай Шоусинь тут же выхватил из жемчужины-нахай спасительную пилюлю, подаренную главой секты Хуаньюнь, разжал Янь Цунси губы и силой вложил её ему в рот. А затем, не обращая внимания на Цзян Чаньюаня за спиной, обнял его и отступил из центра боя.

Уходя, он быстро шарил взглядом по толпе, выискивая самое обычное, ничем не приметное лицо. Но лицо, которое Фу Линцзюнь себе изменил, и впрямь было до крайности незаметным. Лишь юноша, стоявший рядом с ним, выделялся красотой среди толпы, и именно по нему Хуай Шоусинь сумел быстро отыскать нужного человека.

На миг его впечатление об этом юноше стало ещё сложнее.

— Массив, поднимайся, — беззвучно произнёс он. Эти два слова точно долетели до ушей Фу Линцзюня.

Фу Линцзюнь, всё это время спокойно наблюдавший из переулка напротив, наконец двинулся. Он прикусил палец и начал один за другим выводить в воздухе кровавые руны. Те вспыхивали и тут же исчезали из вида, но на самом деле просто уходили в массив, заложенный вокруг заранее.

Цзян Чаньюань уже кинулся в погоню за Хуай Шоусинем, но на месте были не только они с

Янь Цунси — вокруг оставалось множество заклинателей, прибежавших на шум и теперь жавшихся по сторонам.

Небесный огонь не убил бы Хуай Шоусиня: святого так просто не сжечь. А вот тех, чей уровень культивации был низким, вполне мог обратить в пепел на месте. Яркое пламя лизнуло дома по обе стороны длинной улицы. Чёрный дым повалил вверх, деревянные строения вспыхивали одно за другим и превращались в обугленные остовы, а вместе с ними в хаосе метались и бегущие люди.

— Спасите!

— Не загораживай мне путь!

— Чтоб я только узнал, кто, мать его, мне на ногу наступил!

— ...

Цзян Чаньюань ринулся вниз с неба, таща за собой бесконечный раскалённый огонь. Но вдруг резко замер: взгляд его упал на Хуай Чэнъяня, которого глава рода Гу волок за собой в попытке уйти.

Хуай Чэнъянь из области Аньюань обладал редчайшим телом предельного инь. В день его рождения на небе явилось знамение тысячи демонов и сотни призраков. И теперь, когда кровь Цзян Чаньюаня, жаждущая иньских душ, почувяла это движущееся идеальное лакомство, в нём сразу вспыхнуло жадное желание. Он тут же отказался от погони за Хуай Шоусинем и Янь Цунси, развернулся в воздухе и бросился прямо к толпе заклинателей.

— А-а-а!

— Он летит сюда! Бегите!

— Быстрее, быстрее!

Сердце Хуай Чэнъяня колотилось так, будто вот-вот выскочит из груди. Тяжёлое дыхание мешалось с жаром пламени позади. Он не смел обернуться, но прекрасно чувствовал: Цзян Чаньюань уже изменил направление и несётся к ним. Внутри у него всё сжалось от страха. И вдруг рука резко дёрнулась вниз — это глава рода Гу запнулся о бегущего рядом человека и сам полетел на землю, утягивая за собой и его.

Конец.

Вот что первым мелькнуло у Хуай Чэнъяня в голове.

И в тот миг, когда тело уже падало, он услышал над собой глухой, тяжёлый свист рассекаемого воздуха. Затем раздался оглушительный удар — что-то массивное отбросило в сторону, и оно врезалось в вымощенную камнем улицу с такой силой, что в ней образовалась глубокая воронка, а трещины разбежались во все стороны по плитам.

Хуай Чэнъинь повернул голову и увидел, как из воронки, иссечённой трещинами, поднимается тот самый странный человек ростом свыше девяти чи. Огромный, мускулистый, с обнажённым торсом, покрытым жуткими шрамами. Лицо скрывала чёрная маска, так что разглядеть его черты было невозможно.

Вздутые, тугие мышцы перекачивались под кожей его рук, пока он раскручивал грубую чёрную цепь. Он встал перед ними и принял на себя удар Цзян Чанъюаня.

<http://bllate.org/book/17032/1721910>